



**УМЕР ПИСАТЕЛЬ** Михаил Матвеевич Годенко... Для меня он ещё и давний товарищ, однокурсник по Литературному институту, Миша-хохол, как звали мы его все пять лет. А встретились летом 1946 года, когда, вернувшись с войны, поступили в Литературный институт. Почти всем нам было по 22-23 года — то поколение, о котором в стихах и прозе писали, будто после войны от него осталось лишь 3%. Это выдумка тех, кто считает, что героизм — непременно и прежде всего большие потери, и чем они больше, тем выше и достоверней героизм. Однако во сколько собралось нас тогда даже в столичном, как ныне говорят, элитном вузе. А сколько нас пришло тогда в другие, в большие вузы — например, в Московский энергетический им. Молотова, где я перед Литературным прочулся один семестр?! Сколько нас пришло на заводы, в колхозы, сколько осталось в армии?!

Нам казалось, что молодость — наше естественное состояние, и оно никогда не покинет нас... Ну, а пожилые и старые люди, которых мы видели ежедневно — хотя бы профессора института Александр Александрович Реформатский и Сергей Иванович Радзиг? Им почему-то не повезло, состарились. Очень жаль, ведь такие хорошие стариканы...

Литинститут был тогда небольшой, на первый курс при огромном конкурсе набрали нас человек тридцать, а всего в институте было, пожалуй, человек сто. В подвальном этаже института находились мужское и женское общежития, то и другое — человек на двадцать. Из наших там жил, кажется, один Солухин. Запомнилось, видимо, только потому, что здесь, как потом рассказывали, он обнял на прощанье Наума Менделя (Коржавина), когда однажды ночью за тем пришли, по-нынешнему говоря, "вежливые зелёные человечки". Видно, им не нравилось, что Эмка бродил по коридорам и бормотал:

*Я всё на свете видел наизнанку,  
Я путался в московских тулках,  
А между тем стояло на Лубянке  
Готическое здание Чека...*

Оно вовсе не готическое, но не из-за этой ошибки автору дали возможность посмотреть это здание и изнутри, а потом, уже вдалеке, вспоминать увиденное... А ведь мы с Годенко его предупреждали, когда на первомайской демонстрации на площади Пушкина, памятник которого ещё стоял на прежнем месте — на Тарском бульваре, пели всем хором:

*Ползёшь ты, товарищ,  
Как сам ты понимаешь,  
В готическое здание ЧеКа...*

Он и приполз... Наш, в сущности, первый послевоенный набор оказался удивительно содержательным на небесплодных для русской литературы тружеников слова. Судите сами: Юрий Бондарев, Евгений Винокуров, Юлия Друнина, Эдуард Асадов, Владимир Тендряков, Григорий Бакланов, Григорий Поженян, Василий Малов, Семён Сороин, Юрий Разумовский, Николай Войткевич, Семён Шуратаков (самый старший на курсе — с 1918 года), Михаил Годенко и аз грешный! — и все с фронта явились! Войткевич — из плена, в который попал в 1942 году под Севастополем. А ещё — Владимир Солухин (служил в охране Кремля), Александр Рекемчук, Герман Валиков, Лидия Обухова, Людмила Шлейман, Гарольд Регистан (сын советара С. Михалкова по тексту нового гимна), Евгений Марков, Андрей Марголин, Всеволод Ильинский, Бенедикт Сарнов, Лидия Асадова, жена Эдуарда Асадова, вернувшегося с войны без глаз... Правда, кое-кто оставил наш курс до срока: Рекемчук, Друнина... Но как бы то ни было, на выпускном вечера в актовом зале института, а потом

на банкете в кафе "Националь", что в начале улицы Горького, человек 20—25 нас было. И представьте себе, большинство из нас: одни раньше, другие позже, — стали профессиональными писателями, членами Союза писателей, обрели известные литературные имена, некоторые даже стали лауреатами, как Годенко, получивший ещё и военную премию "Трохоровское Поле", а Бондарев — Герой Социалистического Труда.

От выпускного вечера в институте осталось в памяти только напутственное слово Александра Фадеева. Ещё далеко было до того скорбного дня, о котором Твардовский скажет:

*Ах, как горька и не права  
Твоя седая, молодая,  
Крутой посадки голова...*

Тогда седина только пробивалась... А от банкета в "Националь" остался в памяти только тост прекрасного, но оставшегося неизвестным поэта Германа Валикова: "За цветы и звёзды!"... Однажды, много лет спустя, в Большом Гнездиновском переулке, где находилось несуществующее ныне издательство "Советский писатель", в редакции поэзии, которую возглавлял Егор Исаев, ещё не Герой и не Ленинский лауреат, Герман у меня на глазах, лёжа на сдвинутых стульях, умирал. Спаса от куда-то примчавшаяся по телефону звонку дочь Гела. По-

# ПЕРВЫЙ В СТРОЮ

Памяти Михаила Матвеевича ГОДЕНКО

том Герман попытывался: "Ну как, красиво я умирал? Можно сравнить с Андреем Болконским на поле под Аустерлицем со знаменем в руках? Помнишь? Наполеон, проходя мимо, заплюбовался и сказал: "Какая красивая смерть!"... 23 сентября 1981 года Гела помочь не смогла, но видела в руках отца зная русскую поэзию...

Кажется, это была первая смерть в наших рядах. Впрочем, нет, нет... Первым-то был Василий Малов, поэт. У него было такое тяжёлое ранение головы, что можно было видеть пульсацию под кожей черепа. Он был одинок. Как инвалиду, ему сразу после института дали отдельную квартиру в Сталинском районе Москвы, на Мочальской улице. И однажды в ванной его настиг припадок, помочь было некому, он захлебнулся... Да, это была наша первая смерть. Васе было лет 25. А Миша Годенко не дожид до своего столетия 1 октября всего несколько дней...

Наш фронтовой ровесник Семён Гудзенко тогда писал:

*Мы не от старости умрём —  
От старых ран умрём...*

Семён так и умер в тридцать лет, но пришло время — стали умирать и от старости... Не так давно в "Правде" была напечатана подборка моих писем Юрию Бондареву — за много лет, по разным поводам. Её дали под заголовком "Их остаётся только трое": Бондарев, Миша и я... "Конечно... Прощайте... Прошу не винить..."

Годенко, как и я, пришёл в институт со стихами, он начинал на Украине ещё до войны вместе с Гудзенко. Он и окончил институт как стиховорец, а я — как критик. И первые книги его были поэтическими: 1956 год — поэма "Последний", 1959 год — поэма "Море моё", 1961 год — сборник стихов "Тяга к океану". Но потом он оставил стихи, стал известным прозаиком, а я вернулся к стихам, но известным стиховорцем не стал: кроме жены, никто не хотел верить, что такой буйный критик и публицист может рифмовать "любовь" — "кровь", "страсть" — "власть", "люблю" — "молю" и т.п. А между тем, сочетание в одном лице публициста и стиховорца — не редкость в литературе и вполне естественно. И я упрямо рифмовал на самых разных страницах, от "Правды" до "Литературки". И всё-таки кому-то это казалось подозрительным, вредным.

Мы с Мишей состояли в творческом семинаре, который вёл профессор Тимофеев Леонид Иванович. Мы по очереди читали стихи и обсуждали их. Вот диво дивное: я помню, как Миша лет семьдесят с лишним тому назад читал:

*Мне б только на зору,  
Где пахнет чабрецом...*

Что там дальше — забыл, но помню, что мне его стихи очень нравились, и я сказал тогда, что если бы можно было, я аплодировал бы этим стихам. Но Михаил оставил стихи...

**НАДО ЗАМЕТИТЬ**, что, вернувшись с войны, мы так упивались прелестями мирной жизни, той её тиши-

ной, которую слышали только мы (Бондарев так и свой первый роман назвал — "Тишина"), что о войне словно забыли. Условно говоря, мы, по примеру Годенко, наслаждались "запахом чабреца", и только спустя какое-то время вспомнили о самом важном, о главном событии нашей жизни. И тогда тот же Бондарев написал "Батальоны просят огня", Бакланов — "Пядь земли", Годенко — "Минное поле", Винокуров — "Москвичи".

*В полях за Вислой сонной  
Лёжат в земле сырой  
Серёжка с Майой Бронной  
И Витя с Моховой...*

Ведь мы в одной землянке жили и с Серёжкой, и с Виткой... И тогда многих из нас вдруг пронзили и словно разбудили слова песни, прозвучавшие с экрана, и мы подпевали:

*На всю оставшуюся жизнь  
Нам хватит победов и славы,  
Победа над врагом кровавым  
На всю оставшуюся жизнь.*

*На всю оставшуюся жизнь  
Нам хватит горя и печали  
От тех, кого мы потеряли  
На всю оставшуюся жизнь.*

*Горели Днепр, Нева и Волга,  
Горели небо и поля...  
Одна беда, одна тревога,  
Одна судьба, одна земля  
На всю оставшуюся жизнь.*

*Сестра и брат... Взаимной верой  
Мы были сильными вдвоём  
Мы шли к любви и милосердию  
В немилосердной той войне*

*На всю оставшуюся жизнь  
Запомним братство фронтовое  
Как завещание святое  
На всю оставшуюся жизнь...*

*На всю оставшуюся жизнь...  
На всю оставшуюся жизнь...*

У Михаила Годенко за плечами было больше, чем у многих. Ведь его призывали в армию ещё в 1939 году, и когда почти все мы ещё ходили в школу, он служил на Балтийском флоте. Как известно, нарком-военмор адмирал Н.Г. Кузнецов в июне 1941 года одновременно привёл весь наш флот в состояние полной боевой готовности, и он дал достойный отпор врагу утром 22 июня, но, конечно, это не избавило ни от огромных трудностей, ни от тяжёлых потерь. Годенко принимал участие в героической обороне Таллина, который был главной базой Балтийского флота, а 28 августа уже под немецким огнём по морю, кишащему минами, начался беспрерывный переход всего флота из оставленного Таллина в Кронштадт. Накануне корабли приняли на борт 23 тысячи военных и гражданских лиц, из них при переходе погибло более четырёх тысяч, а из 195 кораблей разного рода погибли 53 судна. Минёр Годенко не только всё это видел своими глазами, но и запросо мог оказаться в числе этих четырёх тысяч. Дело обошлось ранением, двумя месяцами госпитали...

Адмирал Кузнецов потом писал: "Боевое ядро флота удалось сохранить. Оно сыграло важную роль в обороне Ленинграда".

**УПОМЯНУТАЯ ВЫШЕ** перемена своего литературного жанра некоторыми из нас — была не главным в судьбе нашего курса. Главным оказалась совсем другая перемена, случившаяся в конце 80-х годов, когда мы давно уже не были вместе, а кто где, но, конечно, считали себя одноклассниками, однокурсниками, и порой, перепарфразируя известные строки Пушкина, кто-то из нас твердил:

*Куда бы нас ни бросила судьбина,  
Кажой бы мы ни выбрали маршрут,  
Всё те же мы: нам целый мир — чужбина,  
Отечество — родной Литинститут.*

И вдруг всё затрепетало, поспысало и рухнуло. В этой катастрофе одни, в том числе мы с Годенко, попросту говоря, остались советскими людьми, защитниками русского советского мира, а другие... ну, скажем так: они сильно невзлюбили нас. Особенно

острые противостояния возникли у Бондарева с Баклановым, а у меня с Сарновым, который поносил даже наши прекрасные Дома творчества, уверял, что там и лампочек-то электрических не было, и мы приежали со своими, и кормили-то нас одними несъедобными клецками.

Но, коснувшись разлома нашего курса, я обязан кое-что поведать, кое-что напомнить и об однокурсниках в связи со знаменитым своей подлостью письме 42-х, вошедшем в литературный оборот под брендом "Раздавите гадину!". Оно было напечатано в "Известиях" 5 октября 1993 года, в день, когда рыли могилы для защитников Конституции, расстрелянных 3-го октября в Останкино и 4-го у Дома Советов и в самом Доме на Краснопресненской набережной. Под этим предательским письмом стояли подписи московских писателей, но не обошлось и без некоторых особенно эффектных "провинциалов": здесь оказались и Герой Гранин, и Герой ак. Лихачев, и Герой Астафьев, — как же без Героев! Был и четвёртый Герой, но я думаю, что подписи поставил не он, тогда тяжело больной фронтовик, а его расторопная супруга.

Эти 42 требовали у президента Ельцина про должить позавчерашние и вчерашние расправы — теперь над их собратями. Так вот, сообщая, что под этим позорным письмом подписались только три наших с Мишей литинститутских однокурсника, Двое из них уже умерли с пеней на губах, третьему уже за девяносто, возможно, болеет, потом дети, внуки... Ну, как! Да, из 42 примерно человек 30 уже держат ответ перед Всевышним. Полезно знать и то, что русских среди подписантов оказалось человек 10-12: поэта Т.Татьяна Кузовлева, пародист Иванова, Александр Кушнер, Белла Ахмадулина...

**ГОДЕНКО БЫЛ ОДНИМ** из самых старательных тружеников литературы у Великой Отечественной войне... 21 сентября исполнилось сто лет со дня рождения Константина Воробьёва. Это был мужественный, честный человек, хороший писатель, но не надо, как в некоторых юбилейных статьях, гордиться вокруг него часток из великих имён — Толстой, Достоевский, да ещё и Шолохов, Леонов... Но ещё хуже, что сейчас вытаскивали то, что когда-то написал о Воробьёве "Божий меч" — Солженицын. В мифологии древних греков был царь Мидас. Всё, к чему он прикасался, превращалось в золото. Солженицын это анти-Мидас: всё, к чему он прикасался, становилось дерьмом. Вот через посредство Воробьёва он в очередной раз коснулся советской литературы. И что с ней стало? Оказывается, до появления в 1963 году повести Воробьёва "Убиты под Москвой" даже честные публикации о войне были искажены утайками и полуправдой?!. Даже честные! Надо ли упоминать нечестные?! Но у кого же, где унохал анти-Мидас утайки: не у Шолохова ли в романе "Они сражались за Родину", или в статье "Наука ненависти"? Не у Твардовского ли в "Теркине"? Не у Симонова ли в романе "Живые и мёртвые"? У кого и где разглядел полуправду — не у Гроссмана ли в романе "Народ бессмертен"? Не у Некрасова ли в "Окопах Сталинграда"? Не у Евгения ли Носова в "Красном вине победы"?.. Такие вопросы можно задавать долго. А ведь он-то, анти-Мидас, ни одного имени, ни одной книги не назвал. А я в этом ряду назову и роман "Минное поле" Михаила Годенко, который вышел буквально вслед "Убитым под Москвой".

К слову можно заметить, что зимой 1941-42 годов под Москвой были не только убитые, вечная им память! Была ещё и первая за всю Вторую мировую войну победа над фашистами, был первый их разгром. А убитые... В оборонительных боях с 30 сентября года по 5 декабря 1941 года безвозвратные потери Красной Армии составили около 515 тысяч, а в наступательных боях с 5 декабря по 7 января 1942 года мы потеряли 140 тысяч. Вот какой ценой спасли город, о котором великий поэт не зря сказал:

*Москва! Как много в этом звуке  
Для сердца русского слилось,  
Как много в нём отозвалось...*

Теперь отзываются в этом слове и названные страшные цифры. И победа, одержанная тогда.

**Я ВСТРЕЧАЛСЯ С МИХАИЛОМ** чаще, чем с кем-либо из однокурсников: мы были соседями по даче и захаживали друг к другу, беседовали о разных разностях, обменивались книгами, газетами. Сошлись мы в оценке поэта Р. Да, искренний, душевный поэт, патриот, но почему тогда ахикотаж? Четыре памятника уже поставили. Мы недоумевали.

Часто говорили о страшных делах на Украине. Он родился в Запорожской области, а вырос в Ворошиловградской (Луганской). Он остро переживал за всё, что там творилось. В одну из последних наших встреч прошлым летом он вдруг сказал: "Знаешь, а ведь я, оказывается, русский!" — и весело засмеялся. Не знаю, что за этим стояло: то ли действительно обнаружилось какие-то сведения о происхождении, то ли он хотел таким образом отстраниться от тех позорных дел на его родине... Не знаю. Но он так сказал.

Владимир БУШИН

формы Сецессиона (Ар нуво) 1910-х, а некоторые искусствоведы усматривают в облике театра лёгкое сходство с древнеамериканскими зиккуратами — из разряда стилизаторской экзотики, приемлемой в начале 1970-х.

Несмотря на всю лепоту, МХАТ выглядит нахальным чужаком на Тверском бульваре, никак не вписываясь в окружающий старомосковский лад. Это как раз тот случай, когда удачное — в чертежах и рисунках — здание обретает давящие контуры на местности, подчиняя себе весь пейзаж. Интересный силуэт теряет свою изюминку и выглядит, как пятак смелого курьёза-новатора среди турнюров и кринолинов. То есть — бешено и чужеродно. Надо отметить, что в позднем СССР МХАТ беспокоились о целостности ансамбля и "выткали" нужные городу сооружения без привязки к устоявшейся застройке. И всё равно это — шедевр. Он будоражит, привлекает внимание, иной раз — остронагнетно. К тому же, здесь огромную роль играет внутреннее содержание, а Кубасов — мастер пространства, что мы и наблюдаем, попадая в театр.

Фотография Михаила Розанова демонстрирует свойства интерьера — от опытного взгляда не ускользает ничто: ни озвучивание плоскостей, ни игра света. А свет у Кубасова — на одной из главных ролей: он изысканно рассеивается (прямо как в итальянском барокко) и даёт приглушённо-таинственный фон. Благодаря этому низкий потолок и приземистость фойе никак не ощущаются. Розанов умеет показать материал, нарочно эстетизируя его — дерево, камень металл обретают волшебные свойства. Мы видим и зал, освещённый огнями — в предвкушении встречи со зрителем. Тёмное закулисье. Часть лестницы. Фрагмент люстры. Фонтан и — сочная зелень растений. Вход в зрительный зал напоминает портал в иное, что соответствует идее любого театра. Михаил Розанов тонко чувствует душу архитектора, подстраиваясь под ритмы стен, окон, проёмов. На экспозиции встречаются два таланта — Кубасов и Розанов, причудливым образом дополняя друг друга. Фотограф ищет и — находит всё то, что выдумал архитектор, преподносит с неожиданной стороны. Розанов "объясняет" замыслы Кубасова. Ракурсы — изумляют. Плоское фото начинает — вопреки здравому смыслу — давать объём. После этой выставки смотрились иначе и — видящий ускользающие оттенки.

Но МХАТ — это не только лишь фасад и даже не вешалка, с которой, по идее, "начинается театр". Это — люди. Драматурги, режиссёры, декораторы, артисты и — зрители. Станет ли современным почерк МХАТа прорывом, или всё потонет в словесах? Покажет время. А выставка Розанова — и вправду чудесная.

Галина ИВАНКИНА



Борис ЗЕМЦОВ. "Бутырский ангел. Тюрьма и воля". — М.: "Книжный мир", 2019. — 224 стр.

*"Прочистились мозги и организм.  
Понятней стал и власти механизм".  
Из лагерного фольклора*

**О**ЧЕРЕДНАЯ книга Бориса Земцова осведетительной ракетой вырывает из мрака фрагменты упрямой действительности — той её части, где царит беззастенчивость и торжествует несправедливость...

Вот уже на протяжении нескольких лет и нескольких книг автор даёт скрупулёзный, честный и беспощадный анализ тому дагу на земле, с которым, к великому горю нашему, оказались связаны судьбы миллионов и миллионов соотечественников: тюрьмы и зоны.

В предлагаемой книге рассказов это писательское расследование продолжается. И продолжается в явном развитии, выходя на новый уровень, так как писатель, кажется, в своём творческом подлёте полностью отбросил неизбежные "первые ступени", как-то: подробный бытовизм, общие характеристики лагерных "страт", вполне понятное содержание от попадания из нашей какой-нибудь, но жизни, в подлинный ад, который, оказывается, всё время находился и продолжает находиться! — буквально у нас под боксом.

Его освещают те же салюты, на которые мы любознаем с детскими на пелках; он таится за близкими кустами, за спинами целующихся пар, за памятником Родине-матери в Волгограде.

В нём слышны те же звуки улиц, по которым ходят-ездят "вольняшки", то есть мы, не ведающие, что в современной нашей не-жизни любой, буквально любой может оказаться в этом аду!

Конечно же, красивой, можно сказать, кровавой нитью тема рассказы Бориса Земцова проходит через несправедливости самого попадания в ад для многих, слишком многих. Таких историй на зоне и в тюрьме — масса. И придумывать их смысла нет — все они тщательно проверяются на воле компетентными неформальными органами (то есть, пардон, "пробиваются" братвой), и итоги проверки этой доводятся до всех сидельцев в соответствующих "малыхах", доставляемых в каждую камеру по "дороге" и в каждый барак "блаткомитетом".

Из рассказа "Ангел на пальме": "В "пятёрке", в СИЗО №5, где до приговора сидел почти полгода, сменил он три камеры. За это время пролежал перед ним больше сотни арестантских судеб. И ни одна эта судьба не была озарена торжеством справедливости или счастливым послаблением. Это означало, что никто ни из одной камеры на волю не вышел: все только на этап, только в зону, только из одной разновидности неволи в другую".

Жернова крутятся строго в одну сторону: на беспощадное перемалывание людских судеб.

Процент оправдательных приговоров у нас на порядки ниже, чем в сталинские времена.

У судей негласная норма: выносить в год приговоров НА ТЫСЯЧУ ЛЕТ!

Апелляционные судьи, как правило, торопливы и/или откровенно спят; когда исполненный наивной надежды зек аз звенит от напряжённого ожидания справедливости.

А уж такие тонкости, как "внутренние качества", в наших судах не учитываются уже давно и тотально. Это машина по переработке человека. И сегодня, пожалуй, самый прожорливый её элемент — "народная" 228-я статья, по которой перемалывается, кажется, целое поколение русской молодёжи.

Другой важный аспект, обойти который честный писатель не может — это абсурдность самой формы наказания, против которой в романе "Матерексесне" мощно выступал сам "матерский человечек".

Какое там исправление?! Лучше Льва Толстого не скажешь, но кое-что добавить можно.

Герой Земцова, ощущая на себе беспощадный каток наказания, размышляет: "Не волю и сознание тот каток утюжил, а всю человеческую сущность и достоинство уродовал и уничтожал".

Пожалуй, больше всех "пробил" рассказ "Чёрный зверь, лежачий на боку". Это очень точная метафора зоны — громадного хищного зверя, который "питается нашей энергией, нашим здоровьем, нашей жизненной силой. Мы, арестанты, — пища для этого зверя".

К пещам, облетающим зону стороной, и кошкам, никого на зоне не стесняющимся, "Чёрный зверь" равнодушен. Они ему недоступны и неинтересны. Ему нужны людские! И зеки остаются годами в облаке его смертоносного дыхания. Без союзников, хотя бы в виде какой животины... Хочется констатировать особую точность и такого наблюдения: "Чем ближе было освобождение, — пишет Борис Земцов от лица одного из своих героев, — тем больше пугал тот мир, из которого арестант надолго выпал, в котором он был уже никому не нужен, а лишь всех настораживал, всем мешал. Мало что в этом признавался даже самому себе..."

Ощущение свободы, которая именно "наваливается", передано в рассказе "Сладкая водка свободы". Момент выхода из зоны забываем, как первая свадьба или... Да ни с чем это не сравнить! И сторожо озираешься вокруг, чуткём угадывая, что здесь, на этой нашей нынешней воле, "гуманизм и милосердие сродни импортным лекарствам, работанным азиатами в каком-нибудь подвале", что "здания без решёток, люди не в робах, люди без дубинок, машины, дети, женщины", — всё это лишь декорация свободы.

Тащит, тащит ушами Борис Земцов свои рассказы в наше убавоканное симулякрами сознание. И не подпускает к себе ни козённого оптимизма, ни излишнего греховного уныния, — ибо, читая между строк: и то, и другое — от лукавого!..

Игорь ДЬЯКОВ

Вера ГАЛАКТИОНОВА. Собрание сочинений. I том "Восстание праха" (изд. "Русский мир"). II том "От четырёх ветров приди" (изд. "Русский мир") — справки по тел. 8 909 629 26 81 III том "Чаша врагу" (выпущено Товариществом научных изданий КМК) — справки по адресу info@avtor-kmk.ru.

*"Любите ли вы театр так, как я люблю его?"*

Виссарион БЕЛИНСКИЙ устами Татьяны ДОРОНИНОЙ

**У**МЕНЯ сложное отношение к новому формату, "лицу" МХАТа имени Максима Горького. Ещё совсем недавно театр назывался "дорониновским". Однако 4 декабря 2018 года художественным руководителем театра назначили продюсера и театральное режиссёра Эдуарда Боякова, а замом по литературной части — ак Захара Прилепина — довольно колоритную фигуру патристического мейнстрима 2010-х. Саму же Татьяну Васильевну перевели на специально введённую должность "президента театра". С точки зрения многих театралов это выглядит, как почётная сылка, ибо Дорониная — не просто великая (пожалуй, на сегодняшний день — самая великая) русская актриса, но и волевой руководитель, чей театр долгие годы выживал в состоянии информационной блокады, — у Татьяны Дорониной есть железные убеждения, раздражающие либерально-западническую среду высокопоставленных гуманитариев. Безусловно, дорониновский МХАТ последнее время всё больше напоминал осаждённую крепость, а стилистика постановок воссоздавалась, копировалась из раза в раз. Непреклонная архаичность, и она, кстати, нравилась за всегдателями. Другое дело, что театр Дорониной игнорировала молодёжь — основной потребитель зрелищного контента в XXI столетии.

Так выбор сделали в пользу Боякова, и он решил ваять из МХАТа актуальное арт-пространство — привлекательное для юношества и стопроцентно в духе блогерской "урбанистики" (от "урбанизм"). Нет-нет, сцена и репертуар — на месте, крыша тоже нигде не едет, а бывший-дорониновский-МХАТ обрёл дополнительные "креативные" функции. Сейчас с библиотеки превращают в досугово-развлекательные центры. "В театре создаётся новый культурно-просветительский кластер для горожан, которые ищут живые смыслы и образы и верят в способность театра объединять творческие практики", — заявила пресс-служба МХАТа, и 5 октября состоялась презентация проекта "Открытые сцены МХАТ". Это — лектории, книжный магазин, выставочные залы, уютные закутки. Я, сказать откровенно, не поклонница этих, как ныне говорят, "интеллектуальных площадок" с их мастер-классами и поверхностной лекторской говорильней (не потому, что докладчики — случайные неучи, а потому, что сама форма — ознакомительно-дружеская, не располагающая к строгой академичности). Но времена — другие, и просвещение теперь носит характер "игры в бисер", интерактивности и общения с аудиторией. "Любите ли вы театр так, как я люблю его?" — вопрошала героиня Татьяны До-

рониной в картине "Старшая сестра". Любят ли театр Бояков и Прилепин, как Татьяна Дорониная? Вопрос не праздный, хотя уже риторический. Перед нами по-новому раскрыты врата МХАТа. Наше право туда войти. Или — отказаться.

Хотя я готова признать главное — либерального реванш-переворота здесь не произошло, а МХАТ имени Горького остался

## ВРАТА МХАТа

«Открытые сцены МХАТ» и выставка Михаила РОЗАНОВА «Последний шедевр»

тем, чем и был при королеве Татьяне, — оплотом Русского Мира. Один только пункт, что в качестве лекторов приглашены Александр Дугин и Егор Холмогоров, говорит о многом и где-то примиряет с реальностью. Невыразимо жаль дорониновского МХАТа и его жёсткой линии, но тот факт, что в Москве появилась яркая "точка сборки" патристических интеллигентских сил — это великолепно. Что-то сильное и явно противостоящее скандализированному Гоголь-центру.

Именно "Открытые сцены МХАТ" и представляют выставку одного из самых мощных европейских фотохудожников — Михаила Розанова. С его работами я знакома давно, причём то было фэшн-издание Vogue — единственный дамский журнал, который не стыдно листать за утренним кофе. Потом — экспозиция "Ясность цепи" (2015), где Розанов обыгрывал эстетику загадочного предвоенного фильма "Строгий юноша" и — проект "Поярдо" (2017), в коем фотохудожник выступал созерцателем храмовых руин в Пестуме — этой античной премудрости, воплощённой в камне.

Пламенная страсть Розанова — архитектура. Он с одинаковым трепетом фиксирует и дворцовый шик, и углы бетонных домов-коробок. Его фирменный стиль — предельная чёткость. Но это лишь одна грань. Выхватывая детали и фрагменты, Розанов любитесь из предметной красоты: каменные выветки, монументы и заводские трубы оказываются живыми. Это очеловечивание камня, металла, бетона — потрясающий приём Розанова. На его фотографиях вещи и постройки не кажутся пустыми, оставленными и одинокими, хотя мастер крайне редко допускает в кадр хомо-сапиенса. Они, эти стены и фонтаны, — самодостаточны, если, конечно, такое определение применимо к неживой натуре.

На этот раз в эпицентре внимания МХАТ имени Горького — уникальное творение с весьма непрым "характером".

Розанов исследует здание, выявляя всю его психологию и анатомию. Чтобы до конца понять логику выставки, названной "Последний шедевр", следует немного порассуждать об архитектуре, эпохе и брежневском "постмодернизме", которого вроде как не было, но, вместе с тем, он имелся. На ознакомительном стенде — краткая аннотация, позволяющая нам по-



Фойе МХАТа им. А.М. Горького

Фото Михаила РОЗАНОВА

грузиться в тему. Речь идёт о последнем шедевре советского зодчества и самом ярком произведении архитектора Владимира Кубасова.

Его творческая судьба — интересна и показателна. Родившийся в 1930 году, он принадлежит к тому уному и противоречивому поколению, что с упоением приняло хрущёвскую "оттепель" и сделало проводником идей модернизма в дизайне, художествах и градостроении. Молодые ребята, они мечтали перекарывать мир, вдруг оказавшийся искажённым и страшным после XX съезда. Знаменитый акт "Об устранении излишеств в проектировании и строительстве" — ещё один параграф антисталинской доктрины. Советский модернизм отличался от западного, прежде всего, тем, что его ввели в моду законодательным путём, как часто бывает в России, — это не плохо и не хорошо, просто веками затверженная культуроло-

гические данности. Свежий, юношеский взгляд совпадал с настроением эпохи, а потому первым крупным сооружением этого типа стал Дворец пионеров на Ленинских горах (1958-1962). Прослеживался глубокий символизм: не отцы и деды возводят хоромы для своих "глупых" и мало что соображающих чад, но старшие братья — для младших.

Тут-то и началась карьера Владимира Кубасова, попавшего в группу молодых и воодушевлённых зодчих. Дворец не выглядел собственным дворцом — функционализм победил "бестолковую", а потому — дисгармоничную красоту, являя миру лапидарные параллелепипеды. Итог оказался настолько ошеломительным, что пионерский дворец впоследствии многожды повторяли — в самых разных вариациях. Но стеклянные галереи, плоский фасад и

тонкие опоры, которые менее всего хочется называть колоннадой, быстро наскучили, что опять же совпало с переменной политического курса.

Вместо полуграматного разрушителя, "слона в посудной лавке" Никиты Хрущёва явился Леонид Брежнев — хранитель стабильности